

К.Д. Бальмонт

Горящие здания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б21

Б21 **Бальмонт К.Д.**
Горящие здания / К.Д. Бальмонт – М.: Книга по Требованию, 2021. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-3456-2

Эта книга почти целиком написана под властью одного настроения, на долгие недели превратившего мою жизнь в сказку. Я был захвачен страстной волной, которая увлекла меня и держала в плену, бросала вверх; бросала вниз, и я не мог выйти из нее, пока сам не овладел ею, поняв ее сущность.

Я был в замкнутой башне, и видел сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотел выйти из башни, потому что в человеке есть неудержимая потребность бежать к месту пожара. Но я не мог выйти на волю, пока не понял самого себя.

ISBN 978-5-4241-3456-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К.Д. Бальмонт, 2021

Бальмонт Константин
Горящие здания

Константин Бальмонт
Горящие здания
Лирика современной души
1899 - Осень

Мир должен быть оправдан, Чтоб можно было жить. Бальмонт
i. Из записной книжки
(1899)

Эта книга почти целиком написана под властью одного настроения, на долгие недели превратившего мою жизнь в сказку. Я был захвачен страстной волной, которая увлекла меня и держала в плену, бросала вверх; бросала вниз, и я не мог выйти из нее, пока сам не овладел ею, поняв ее сущность.

Я был в замкнутой башне, и видел сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотел выйти из башни, потому что в человеке есть неудержимая потребность бежать к месту пожара. Но я не мог выйти на волю, пока не понял самого себя.

Эта книга не напрасно названа лирикой современной души. Никогда не создавая в своей душе искусственной любви к тому, что является теперь современностью и что в иных формах повторялось неоднократно, я никогда не закрывал своего слуха для голосов, звучащих из прошлого и неизбежного грядущего. Я не уклонялся от самого себя и спокойно отдаюсь тому потоку, который влечет к новым берегам. В этой книге я говорю не только за себя, но и за многих других, которые немوتствуют, не имея голоса, а иногда имея его, но не желая говорить, немотствуют, но чувствуют гнет роковых противоречий, быть может, гораздо сильнее, чем я.

У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сделал это в предлагаемой книге, и, быть может, тем, кто чувствует созвучно со мной, она поможет прийти к тому внутреннему освобождению, которого я достиг для себя.

В предшествующих своих книгах - Под Северным Небом, В Безбрежности, и Тишина я показал, что может сделать с Русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнет новое.

В воздухе есть скрытые течения, которые пересоздают душу. Если мои друзья утомились смотреть на белые облака, бегущие в голубых пространствах, если мои враги устали слушать звуки струнных инструментов, пусть и те и другие увидят теперь, умею ли я ковать железо и закаливать сталь.

3 сентября. Ночь. Имение Поляковых "Баньки", Московского уезда.

ii. Из записной книжки
(1903)

Мои враги

О, да, их имена суть многи, Чужда им музыка мечты. И так они серо-убоги, Что им не нужно красоты.

Их дразнит трепет скрипки страстной, И роз красивых лепестки. Едва махнешь им тканью красной, Они мнутся, как быки.

Зачем мы ярких красок ищем, Зачем у нас так светел взгляд! Нет, если вежлив ты, пред нищим Скрывай, поэт, что ты богат.

Отдай свой дух мышинным войнам, Забудь о бездне голубой. Прилично ль быть красиво-стройным, Когда уроды пред тобой!

Подслеповатыми глазами Они косятся на цветы. Они питаются червями, О, косолапые кроты!

Едва они на Солнце глянут, И в норы прячутся сейчас: Вдруг вовсе видеть перестанут, И станут дырки вместо глаз.

Но мне до них какое дело, Я в облаках моей мечты. С недостижимого предела Роняю любящим цветы.

Свечу и жгу лучом горячим, И всем красивым шлю привет. И я ничто - зверям незрячим, Но зренью светлых - я расцвет!

14 августа. День. Меррекуль, Эстляндской губ.

iii. Из записной книжки

(1904)

Как странно перебирать старые бумаги, перелистывать страницы, которые жили - и погасли для тебя, их написавшего. Они дороги и чужды, как лепестки подаренных увядших цветов, как письма женщин, в которых ты пробудил непонятность, что зовется любовью, как выпцветшие портреты отошедших людей. Вот я смотрю на них, и многое в этом старом удивляет меня новизной. В свете мгновений я создавал эти слова. Мгновенья всегда единственны. Они слагались в свою музыку, я был их частью, когда они звенели. Они отзвенели и навеки унесли с собой свою тайну. И я другой, мне перестало быть понятным, что было так ярко-постижимо, когда я был их созвучной и покорной частью, их соучастником. Я другой, я один, мне осталось лишь несколько золотых песчинок из сверкавшего потока времени, несколько страстных рубинов, и несколько горячих испанских гвоздик, и несколько красных мировых роз.

Я живу слишком быстрой жизнью и не знаю никого, кто так любил бы мгновенья, как я. Я иду, я иду, я ухожу, я меняю, и изменяюсь сам. Я отдаюсь мгновенью, и оно мне снова и снова открывает свежие поляны. И вечно цветут мне новые цветы.

Я откидываюсь от разума к страсти, я опрокидываюсь от страстей в разум. Маятник влево, маятник вправо. На циферблате ночей и дней неизбежно должно быть движение. Но философия мгновенья не есть философия земного маятника. Звон мгновенья - когда его любишь как я - из области надземных звонов. Я отдаюсь мировому, и Мир входит в меня. Мне близки и звезды, и волны, и горы. Мне близки звери и герои. Мне близки красивые и некрасивые. Я говорю с другом, а сам в это время далеко от него, за преградой веков, где-то в древнем Риме, где-то в вечной Индии, где-то в той стране, чье имя - Майя. Я говорю с врагом, а сам в то же время тайно люблю его, хотя бы я говорил самые жесткие слова. О, клянусь, в те мгновенья, когда я - действительно я, мне близки все, мне понятно и дорого все. Мне понятны вершины, я на них всходил, мне понятно низкое, я низко падал, мне понятно и то, что вне пределов высокого и низкого. Я знаю полную свободу. Безмерность может замкнуться в малое. Песчинка может превратиться в систему звездных миров. И слабыми руками будут воздвигнуты безмерные здания во имя Красоты. И сгорят города, и сгорят леса, а там, где они шумели и молчали, возникнуть новые шелесты и шорохи, ласки и улыбки, вечная жизнь.

Я знаю, что есть два бога: бог покоя и бог движения. Я люблю их обоих. Но

я не долго медлю с первым. Я побыл с ним. Довольно. Я вижу быстрые блестящие глаза. Магнит моей души! Я слышу свист ветра. Я слышу пенье струн. Молот близ горнов. Раскаты мировой музыки. Я отдаюсь мировому. Мне страшно. Мне сладко. Мир вошел в меня. Прощай, мое вчера. Скорей к неизвестному Завтра!

3 января. Ночь. К. Бальмонт. Москва.

Крик часового

Мой наряд - бранные доспехи, Мое отдохновение - где битва и беда, Моя постель - суровые утесы, Мое дремать - не спать никогда. Старинная Испанская песня

1. Крик часового

Сонет

Пройдя луга, леса, болота, горы, Завоевав чужие города, Солдаты спят. Потухнувшие взоры В пределах дум. Снует их череда.

Сады, пещеры, замки изо льда, Забытых слов созвучные узоры, Невинность чувств, погибших навсегда, Солдаты спят, как нищие, как воры.

Назавтра бой. Поспешен бег минут. Все спят. Все спит. И пусть. Я - верный - тут. До завтра сном беспечно усладитесь.

Но чу! Во тьме - чуть слышные шаги. Их тысячи. Все ближе. А! Враги! Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

Отсветы зарева

А меж тем огонь безумный И глухой, и многошумный, Все горит. Эдгар По

2. Кинжальные слова

Я устал от нежных снов, От восторгов этих цельных Гармонических пиров И напевов колыбельных. Я хочу порвать лазурь Успокоенных мечтаний. Я хочу горящих зданий, Я хочу кричащих бурь!

Упоение покоя Усыпление ума. Пусть же вспыхнет море зноя, Пусть же в сердце дрогнет тьма. Я хочу иных бряцаний Для моих иных пиров. Я хочу кинжальных слов, И предсмертных восклицаний!

3. Полночь и свет

Полночь и свет знают свой час. Полночь и свет радуют нас. В сердце моем - прозрачный свет. В сердце моем - полночи нет.

Ветер и гром знают свой путь. К лону земли смеют прильнуть. В сердце моем буря мертва. В сердце моем гаснут слова.

Вечно ли я буду рабом? Мчитесь ко мне, буря и гром! Сердце мое, гибни в огне! Полночь и свет, будьте во мне!

4. Слово завета

О, человек, спроси зверей, Спроси безжизненные тучи! К пустыням вод беги скорей, Чтоб слышать, как они певучи! Беги в огромные леса, Взгляни на сонные растения, В чьей нежной чашечке оса Впивает влагу наслажденья! Им ведом их закон, им чуждо заблужденье.

Зачем же только ты один Живешь в тревоге беспримерной? От колыбели до седин Ты каждый день - другой, неверный! Зачем сегодня, как вчера, Ты восклицанье без ответа? Как тень от яркого костра, Ты в ночь бежишь от места света, И чаша вокруг тебя безмолвием одета.

Проникни силою своей В язык безмолвия ночного! О, человек, спроси зверей О цели странствия земного! Ты каждый день убийцей был Своих же

собственных мечтаний, Ты дух из тысячи могил, Живи, как зверь, без колебаний!
И в смерти будешь жить, как остов мощных зданий!

5. Морской разбойник

Есть серая птица морская с позорным названием
глупыш. Летит она вяло и низко, как будто бы спит,- но,
глядишь, Нависши уродливым телом над быстро сверкнувшей
волной, Она увлекает добычу с блестящей ее чешуей. Она увлекает добычу,
но дерзок, красив, и могуч, Над ней альбатрос длиннокрылый, покинув
возвышенность туч, Как камень, низринутый с неба, стремительно
падает ниц, При громких встревоженных криках окрест
пролетающих птиц. Ударом свирепого клюва он рыбу швырнет в пустоту И,
быстрым комком промелькнувши, изловить ее
налету, И, глупую птицу ограбив, он крылья расправит
свои, И виден в его уже клюве блестящий отлив чешуи. Морской и воздушный
разбойник, тебе я слагаю свой
стих, Тебя я люблю за бесстыдство пиратских порывов
твоих. Вы, глупые птицы, спешите, ловите сверкающих рыб, Чтоб метким
захватистым клювом он в воздухе их
перешиб!

6. Как Испанец

Как Испанец, ослепленный верой в Бога и любовью, И своею опьяненный и
чужою красной кровью, Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде, Я хочу
цветов багряных, мною созданных везде.

Я, родившийся в ущельи, под Сиэррою-Невадой, Где лишь коршуны кричали
за утесистой громадой, Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса, Чтобы
заревом над Перу засветились небеса.

Меди, золота, бальзама, бриллиантов, и рубинов, Крови, брызнувшей из
груди побежденных

властелинов, Ярких зарослей коралла, протянувшихся к лучу, Мною отыскан-
ных пределов жарким сердцем я хочу.

И, стремясь от счастья к счастью, я пройду по
океанам, И в пустынях раскаленных я исчезну за туманом, Чтобы с жадной
быстрою Аравийского коня Всюду мчаться за врагами под багряной вспышкой

дня.

И, быть может, через годы, сосчитав свои
владенья, Я их сам же разбросаю, разгоню, как привиденья, Но и в час перед-
дремотный, между скал родимых
вновь, Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, как
кровь.

7. Красный цвет

Быть может, предок мой был честным палачом: Мне маки грезятся, согретые
лучом, Гвоздики алые, и, полные угрозы, Махрово-алчные, раскрывшиеся розы.
Я вижу лилии над зыбкою волной: Окровавленные багряною Луной, Они, забыв
свой цвет, безжизненно-усталый, Мерцают сказочно окраской ярко-алой, И с
сладким ужасом, в застывшей тишине, Как губы тянутся, и тянутся ко мне.

И кровь поет во мне... И в таинстве заклатья Мне шепчут призраки: "Скорее!

К нам в объятья! "Целуй меня... Меня!.. Скорей... Меня... Меня!.." И губы жадные, на шабаш свой маня, Лепечут страшные призывные признанья: "Нам все позволено... Нам в мире нет изгнания... Мы всюду встретимся... Мы нужны для тебя... Под красным Месяцем, огни лучей дробя, Мы объясним тебе все бездны наслаждения, Все тайны вечности и смерти и рожденья". И кровь поет во мне. И в зыбком полусне Те звуки с красками сливаются во мне. И близость нового, и тайного чего-то, Как пропасть горная, на склоне поворота, Меня баюкает, и вкрадчиво зовет, Туманом огненным окутан небосвод, Мой разум чувствует, что мне, при виде крови, Весь мир откроется, и все в нем будет внове, Сменяются маки мне, пронзенные лучом... Ты слышишь, предок мой? Я буду палачом!

8. Я сбросил ее

Я сбросил ее с высоты, И чувствовал тяжесть паденья. Колдунья прекрасная! Ты Придешь, но придешь - как виденье!

Ты мучить не будешь меня, А радовать страшной мечтою, Создание тьмы и огня, С проклятой твоей красотой!

Я буду лобзать в забытии, В безумстве кошмарного пира, Румяные губы твои, Кровавые губы вампира!

И если я прежде был твой, Теперь ты мое привиденье, Тебя я страшнее - живой, О, тень моего наслажденья!

Лежи искаженным комком, Обломок погибшего зданья. Ты больше не будешь врагом... Так помни, мой друг: До свиданья!

9. Скифы

Мы блаженные сонмы свободно кочующих Скифов, Только воля одна нам превыше всего дорога. Бросив замок Ольвийский с его изваяньями грифов, От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага.

Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи От востока на запад молитвенным светят лучом. Только богу войны темный хворост слагаем мы в кучи, И вершину тех куч украшаем железным мечом.

Саранчой мы летим, саранчой на чужое нагрянем, И бесстрашно насытим мы алчные души свои. И всегда на врага тетиву без ошибки натянем, Напитавши стрелу смертоносною желчью змеи.

Налетим, прошумим, и врага повлечем на аркане, Без оглядки стремимся к другой непочатой стране. Наше счастье - война, наша верная сила - в колчане, Наша гордость - в не знающем отдыха быстром коне.

10. В глухие дни

Предание

В глухие дни Бориса Годунова, Во мгле Российской пасмурной страны, Толпы людей скитались без крова, И по ночам всходило две луны.

Два солнца по утрам светило с неба, С свирепостью на дольный мир смотря. И вопль протяжный: "Хлеба! Хлеба! Хлеба!" Из тьмы лесов стремился до царя.

На улицах иссохшие скелеты Щипали жадно чахлую траву, Как скот,- озверевшие и неодоленные, И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелевшие от гнили, Живым давали смрадный адский хлеб, Во рту у мертвых сено находили, И каждый дом был сумрачный вертеп.

От бурь и вихрей башни низвергались, И небеса, таясь меж туч тройных, Внезапно красным светом озарялись, Являя битву воинств неземных.

Невиданные птицы прилетали, Орлы парили с криком над Москвой, На перекрестках, молча, старцы ждали, Качая поседевшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба, Узрев комету, дрогнула земля. И в эти дни Димитрий встал из гроба, В Отрепьева свой дух переселя.

11. Опричники

Когда опричники, веселые, как тигры, По слову Грозного, среди толпы рабов, Кровавые затеивали игры, Чтоб увеличить полчище гробов,

Когда невинных жгли и рвали по суставам, Перетирали их цепями пополам, И в добавленье к царственным забавам, На жен и дев ниспосылали срам,

Когда, облив шута горячею водою, Его добил ножом освирепевший царь, На небесах, своею чередою, Созвездья улыбались как встарь.

Лишь только эта мысль в душе блеснет случайно, Я слепну в бешенстве, мучительно скорбя. О, если мир - божественная тайна, Он каждый миг - клеветает на себя!

12. Смерть Димитрия Красного

Предание

Нет, на Руси бывали чудеса, Не меньшие, чем в отдаленных странах. К нам также благосклонны Небеса, Есть и для нас мерцания в туманах.

Я расскажу о чуде старых дней, Когда, опустошая нивы, доли, Врываясь в села шайками теней, Терзали нас бесчинные Монголы.

Жил в Галиче тогда несчастный князь, За красоту был зван Димитрий Красный. Незримая меж ним и Небом связь В кончине обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана. Он вдруг, без всякой видимой причины, Лишился вкуса, отдыха и сна, Но никому не сказывал кручины,

Кровь из носу без устали текла. Быть приобщен хотел Святыи он Таин, Но страшная на нем печать была: Вкруг рта - все кровь, и он глядел - как Каин.

Толпились бояре, позабыв Себя - пред ликом горького злосчастья. И вот ему, молитву сотворив, Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрий успокоился, притих, Вздохнув, заснул, и всем казался мертвым. И некий сон, но не из снов земных, Витал над этим трупом распростертым.

Оплакали бояре мертвеца, И крепкого они испивши меда, На лавках спать легли. А у крыльца Росла толпа безмолвного народа.

И вдруг один боярин увидел, Как, шевельнув чуть зримо волосами, Мертвец, покров содвинув, тихо встал, И начал петь с закрытыми глазами.

И в ужасе, среди полнотной тьмы, Бояре во дворец народ пустили. А мертвый, стоя, белый, пел псалмы, И толковал значенье Русской были.

Он пел три дня, не открывая глаз, И возвестил грядущую свободу, И умер как святой, в рассветный час, Внушая ужас бледному народу.

13. Скорпион

Сонет

Я окружен огнем кольцеобразным, Он близится, я к смерти присужден, За то, что я родился безобразным, За то, что я зловещий скорпион.

Мои враги глядят со всех сторон, Кошмаром роковым и неотвязным, Нет выхода, я смертью окружен, Я пламенем стеснен многообразным.

Но вот, хоть все ужасней для меня Дыханья неотступного огня, Одним порывом полон я, безбольным.

Я гибну. Пусть. Я вызов шлю судьбе. Я смерть свою нашел в самом себе. Я

гибну скорпионом - гордым, вольным.

14. * * *

Я люблю далекий след - от весла, Мне отградно подойти - вплоть до зла, И его не совершив - посмотреть, Как костер, вдали, за мной - будет плеть.

Если я в мечте поджог - города, Пламя зарева со мной - навсегда. О, мой брат! Поэт и царь - сжегший Рим! Мы сжигаем, как и ты - и горим!

Ангелы опальные

Кажусь святым, роль дьявола играя. Ричард Третий

15. Ангелы опальные

Ангелы опальные, Светлые, печальные, Блески погребальные Тающих свечей; Грустные, безбольные, Звоны колокольные, Отзвуки невольные, Отсветы лучей Взоры полусонные, Нежные, влюбленные, Дымкой окаймленные, Тонкие черты, То мои несмелые, То воздушно-белые, Сладко онемелые, Легкие цветы. Чувственно-неясные, Девственно-прекрасные, В страстности бесстрастные, Тайны и слова; Шорох приближения, Радость отражения, Нежный грех внушения, Дышащий едва; Зыбкие и странные, Вкрадчиво-туманные, В смелости нежданные, Проблески огня, То мечты, что встретятся С теми, кем отменяются, И опять засветятся Эхом для меня!

16. Слова любви

Слова любви, несказанные мною, В моей душе горят и жгут меня. О, если б ты была речной волною, О, если б я был первой вспышкой дня!

Чтоб я, скользнув чуть видимым сияньем, В тебя проник дробящейся мечтой, Чтоб ты, моим блеснув очарованьем, Жила своей подвижной красотой!

17. Хлопья тумана

Можно вздрогнуть от звука шагов, Не из чувства обмана, А из жажды остаться вдвоем в нетревожимом счастье

снов, Под владычеством чары, воздушной, как грань

облаков, Можно горько бояться, что светлые хлопья тумана Разойдутся - не слившись, умрут,- слишком рано.

О, в душе у меня столько слов для тебя и любви, Только душу мою ты своею душой позови.

Я как сон пред тобой, я как сон голубой, Задремавший на синем цветке. Я как шорох весны, я как вздох тишины, Как тростник наклоненный к реке. Я как легкий ковыль, как цветочная пыль, Каждый миг и дышу, и дрожу. Я как летняя мгла, что светла и тепла, И тебе все без слов я скажу.

18. Опять

Я хотел бы тебя заласкать вдохновением, Чтоб мои над тобой трепетали мечты, Как струится ручей мелодическим пением Заласкать наклонившихся лилий цветы, Чтобы с каждым нахлынувшим новым мгновением Ты шептала: "Опять! Это - ты! Это - ты!" О, я буду воздушным и нежно внимательным, Буду вкрадчивым,- только не бойся меня, И к непознанным снам, так желанно-желательным, Мы уйдем чрез слияние ночи и дня, Чтоб угаданный свет был как будто гадательным, Чтоб мы оба зажглись от того же огня. Я тебя обожгу поцелуем томительным, Несказанным - одним - поцелуем мечты, И блаженство твоё будет сладко медлительным, Между ночью и днем, у заветной черты, Чтоб, закрывши глаза, ты в восторге мучительном Прошептала: "Опять! Ах опять! Это - ты!"

19. Среди камней

Я шел по выжженному краю Каких-то сказочных дорог. Я что-то думал, что, не знаю, Но что не думать - я не мог.

И полумертвые руины Полузабытых городов Безмолвны были, как картины, Как голос памятных годов.

Я вспоминал, я уклонялся, Я изменялся каждый миг, Но ближе-ближе наклонялся Ко мне мой собственный двойник.

И утомительно мелькали С полуослепшей высоты, Из тьмы руин, из яркой дали, Неговорящие цветы.

Но на крутом внезапном склоне, Среди камней, я понял вновь, Что дышит жизнь в немом затоне, Что есть бессмертная любовь.

20. Беладонна

Счастье души утомленной Только в одном: Быть как цветок полусонный В блеске и шуме дневном, Внутренним светом светиться, Все позабыть, и забыть-ся, Тихо, но жадно упиться Тающим сном.

Счастье ночной белладонны Лаской убить. Взоры ее полусонны, Любо ей день позабыть, Светом Луны расцветаться, Сердцем с Луною встречаться, Тихо под ветром качаться, В смерти любить.

Друг мой, мы оба устали. Радость моя! Радости нет без печали, Между цветами - змея. Кто же с душой утомленной, Вспыхнет мечтой полусонной Кто расцветет белладонной, Ты или я?

21. Я буду ждать

Я буду ждать тебя мучительно, Я буду ждать тебя года, Ты манишь сладко-исключительно, Ты обещаешь навсегда.

Ты вся - безмолвие несчастья, Случайный свет во мгле земной, Неизъясненность сладострастия, Еще не познанного мной.

Своей усмешкой вечно-кроткою, Лицом всегда склоненным ниц, Своей неровно походкою Крылатых, но не ходких птиц,

Ты будишь чувства тайно-спящие, И знаю, не затмит слеза Твои куда-то прочь глядящие, Твои неверные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости, Уста к устам, прильнуть ко мне, Но я не знаю высшей сладости, Как быть с тобой наедине.

Не знаю, смерть ли ты неожиданная, Иль нерожденная звезда, Но буду ждать тебя, желанная, Я буду ждать тебя всегда.

22. Нежнее всего

Твой смех прозвучал, серебристый, Нежней, чем серебряный звон, Нежнее, чем ландыш душистый, Когда он в другого влюблен.

Нежней, чем признание во взгляде, Где счастье желанья зажглось, Нежнее, чем светлые пряди Внезапно упавших волос.

Нежнее, чем блеск водоема, Где слитное пение струй, Чем песня, что с детства знакома, Чем первой любви поцелуй.

Нежнее того, что желанно Огнем волшебства своего, Нежнее, чем Польская панна, И, значит, нежнее всего.

23. Волна

Набегает, уходит, и снова, светясь, возвращается, Улыбается, манит, и плачет с притворной борьбой, И украдкой следит, и обманно с тобою прощается, И мелькает, как кружево, пена во мгле голубой. О, волна, подожди! Я уйду за тобой!